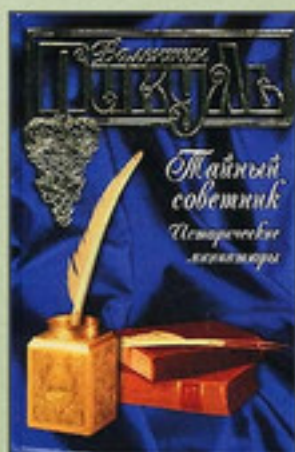

Валентин Пикуль

Потомок Владимира Мономаха

Часть сборника
*Тайный советник. Исторические
миниатюры*

Тайный советник

Валентин Пикуль

Потомок Владимира Мономаха

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Потомок Владимира Мономаха / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
— (Тайный советник)

«...Князя знают лишь историки и дипломаты, ибо он сумел прожить две жизни – как историк и дипломат. У меня, автора, дня не проходит, чтобы я не обращался к трудам Алексея Борисовича. Допустим, понадобилось выяснить, на ком был женат безвестный поручик Данила Глинка – ответ нахожу в родословных книгах князя; забираюсь в дебри стародавней политики – и опять возникает его имя. Наконец, он ведь был и просто человек – со своими личными страстями, с кризисами сердечных мук, он терпел унижения, падал и снова возвышался. «Но князь Лобанов всегда оставался порядочным человеком», – судили современники, служившие с ним...»

Валентин Пикуль

Потомок Владимира Мономаха

Алексей Борисович князь Лобанов-Ростовский...

Назвав это имя, хочется задать школьный вопрос:

– Д е т и, поднимите руки, кто его знает?

Дети «этого не проходили». Князя знают лишь историки и дипломаты, ибо он сумел прожить две жизни – как историк и дипломат. У меня, автора, дня не проходит, чтобы я не обращался к трудам Алексея Борисовича. Допустим, понадобилось выяснить, на ком был женат безвестный поручик Данила Глинка – ответ нахожу в родословных книгах князя; забираюсь в дебри стародавней политики – и опять возникает его имя. Наконец, он ведь был и просто человек – со своими личными страстями, с кризисами сердечных мук, он терпел унижения, падал и снова возвышался. «Но князь Лобанов всегда оставался порядочным человеком», – судили современники, служившие с ним.

Добавлю, что Лобановы-Ростовские при их въезде в город Ростов Великий имели право принимать особые почести – со звоном церковных колоколов и с пальбою из пушек, но сами от этих почестей отказались.

Кстати уж, скажу сразу, что Лобанов-Ростовский не имел земельной собственности, помещиком никогда не был, а жил на свои кровные – от жалованья. Читателям, сызмала воспитанным на школьной «премудрости», наверное, это обстоятельство покажется странным, однако же это было именно так...

Юный князь Алексей Борисович выходил в жизнь из Царскосельского лицея в 1844 году с чином титулярного советника; получивший золотую медаль, он был занесен на мраморную доску и, наверное, как и все лицеисты, приветствовал свое будущее словами лицейского гимна на слова Дельвига:

Шесть лет промчались, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины.
И уж Отечества призванье
Гремит нам: «Шествуйте, сыны!»

Евгений Шумигорский, редко поминаемый нами историк, писал, что в Лицее «были живы тогда предания пушкинской эпохи, и в глазах его воспитанников имя их знаменитого одноклассника неразрывно соединялось с понятием любви к родной земле и к ее родной старине». Вот это – последнее – очень важно для нас: врожденный, а не навязанный свыше патриотизм всегда неотделим от жажды познания истории своего народа...

В годы лицейской младости князь еще застал в живых вельможных старцев, для которых «золотой век екатеринства» был их юностью, их буянством-окаянством, их осмысленной зрелостью, вскормленной на обильных пажитях вольтеровского свободомыслия. Для них, этих реликтов прошлого, было проще простого удавить одного императора, чтобы «подсадить» на престол его жену, а потом с подобною же легкостью они пришибли табакеркой и ее сына. Эти старики, уже обессиленные годами и болезнями, многое помнили, и юный князь остро воспринимал их суждения о былом. Тогда же Лобанов-Ростовский приучил себя записывать то, о чем не писалось в книгах, а лишь передавалось из уст в уста, как нечто запретное, о чем говорить громко не следует.

«Осмысленный» век стал его сокровенной, а царствование Павла I излюбленной темой для исторических изысканий. Однажды князь узнал, что в провинциальной глухомани доживает, вот-вот готовый умереть, престарелый вельможа, который унесет в могилу тайны сво-

его времени. Алексей Борисович, не раздумывая, пустился в путь. Отыскав имение старца, он нашел его дом будто вымершим, даже собаки на псарне не лаяли. Оказалось, что вельможа обращал день в ночь, а будить его было нельзя. Лишь к вечеру он проснулся, и в полночь состоялся завтрак – при свечах в старомодных шандалах. Старик невольно разговорился, и Алексей Борисович до самого рассвета брал «интервью», получая такие интимные тайны двора и политики, о которых в русском обществе едва догадывались. Понятно, что много лет спустя князь Лобанов-Ростовский легко и часто рисовал для друзей, в каком порядке была расставлена мебель в спальне императора Павла I, когда в нее ворвались убийцы.

– Завидую людям, жившим в восемнадцатом веке, – не раз говорил Алексей Борисович, – им было намного выгоднее жить, нежели всем нам, которым выпало влачить до конца век девятнадцатый, обреченный двигаться уже не страстями людей, а лишь ускоренный силою пара в мудреных машинах...

«Влачить» свою карьеру в этом столетии было нелегко, особенно при Николае I, когда внешней политикой России управлял горбоносый карлик Нессельроде.

Именно при нем Лобанов-Ростовский и начинал карьеру. Можно было позавидовать своим немало куролесившим предкам, если при Николае I все строилось по ранжиру, по чинам, по регламенту... д у ш но!

Но служить все равно надо, и карьера началась в хозяйственном департаменте министерства иностранных дел. Правда, потому что Владимира Мономаха как-то не пристало сидеть в бухгалтерии, калькулируя расходные суммы на званые ужины, и в 1849 году царь отличил князя званием камер-юнкера. Нессельроде обещал:

– При первой же вакансии я найду вам место за границей...

Тогда или позже Лобанов-Ростовский сошелся с князем Петром Долгоруким, с позором изгнанным из пажей за дурное поведение. Это был человек большого и очень злого ума, такой неслыханной дерзости, что Бенкендорфу с его присными надоело выслушивать доклады о его скандалах. Ссылка в Вяткунисколько не образумила его, напротив, разгорячила, и Долгорукий в своих писаниях пощадил на белом свете лишь одного человека – это был Герцен, ставший потом свидетелем его предсмертной агонии.

Долгорукого все боялись, ибо он обладал страшной и сильной властью над людьми – знанием генеалогии дворянства, отлично владея секретами самых знаменитых родов. Побывав за границей, Долгорукий выпустил книжку о закулисных тайнах родословия титулованных фамилий, и эта книга вызвала сильное раздражение в правительстве Николая I, ибо князь открыл легендарный «ящик Пандоры», доставив немало неприятностей князьям и графам.

Лобанов-Ростовский говорил князю Долгорукому:

– Конечно, «Бархатная Книга» – это не собрание непреложных истин, но вас боятся, ибо вы не пощадите даже своих предков.

– Боятся, – отвечал Долгорукий, – потому что, владея подлинной генеалогией, я в любой момент могу убить любого придворного, доказав, что его бабка изменила мужу с кучером, а род князей Воронцовых давно пресекался, «полу подлец, полу невежда» Воронцов, что сидит в Крыму, совсем не Воронцов, а самозванец, ибо подлинные Воронцовы давно все вымерли...

Мало кто знает, что знаменитый четырехтомник П-В. Долгорукого по названию «Российская родословная книга» вместил в себя немалую долю генеалогических материалов, собранных не автором, а именно Лобановым-Ростовским, который великодушно уступил их своему собрату-историку. Об этом стало известно гораздо позже, и то не всем, а лишь избранным. П. В. Долгорукий закончил свою жизнь в отчуждении эмиграции, а князь Лобанов-Ростовский продолжил начатое им дело...

Был 1850 год, когда Нессельроде сообщил ему:

– Открылась вакансия при нашем посольстве в Берлине, не соблаговолите ли начинать службу секретарем миссии?

Алексей Борисович выехал в Берлин, увозя с собою огромные кофры, заполненные историческими материалами, чтобы там, в Берлине, дни посвящать дипломатии, а ночи отводить для истории в ее самых загадочных и необъяснимых явлениях. Именно в Берлине князь начал открывать неизвестные страницы русской истории, именно в Берлине он пережил, как патриот, сильные душевные муки, когда николаевская эпоха завершалась трагической Крымской кампанией.

– Конечно, – рассуждал он в кругу чиновников посольства, – муза дипломатии помалкивает, когда грохочут пушки, но она начинает улыбаться и даже кокетничать, когда пушки закатывают в арсеналы. Не сомневаюсь, что после войны начнутся перемещения, и не знаю, куда направят меня...

С кончиною императора Николая I исчез и его прихвостень Карл Нессельроде, ничего, кроме вреда, для России не сделавший, и после Крымской войны следовало обновление дипломатических штатов. В апреле 1856 года Алексей Борисович снова паковал свои гигантские кофры. С берегов мутного Одера его переводили на лучезарные берега Босфора – советником миссии. Молодой человек делал очень быструю карьеру, еще не в силах предвидеть, что скоро она затрещит, словно непутевый корабль, выброшенный на рифы, и виною крушения будет, конечно, женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.